

Население центров и глубинки в России, Украине и Белоруссии^[1] *

Над темой номера работали

Лилия
КАРАЧУРИНА^[2]

Никита
МКРТЧЯН^[3]

Зачем изучать поляризацию пространства и расселения

Прошло более двух десятилетий с начала независимого развития трех стран – России, Украины и Белоруссии. Проблемы расселения и демографического развития стран становились предметом многих исследований, но сравнительных межстрановых работ за этот период немного. В рамках данной статьи мы проводим сравнительное исследование на уровне так называемых «малых территорий» - городов и административных районов. На сегодня это самый нижний иерархический уровень, на котором сопоставления возможны с точки зрения доступности статистических данных.

На этом уровне нас интересуют вопросы общей динамики населения и трансформации в картине расселения за период, прошедший с последней Всесоюзной переписи населения 1989 года. Для описания и анализа этих процессов мы рассматриваем изменения в контексте центрo-периферийного градиента, действующего внутри отдельных регионов (краев, областей, республик). В ходе анализа мы тестировали следующую гипотезу: в каждом регионе динамика численности населения малых территорий зависит от степени их удаленности от регионального центра. Подобная методика уже применялась для России. В данном случае нас интересует, действуют ли центрo-периферийные градиенты применительно к динамике расселения на Украине и в Белоруссии, каковы общие черты указанных процессов и в чем кроются ключевые межстрановые сходства и различия.

Численность населения – один из наиболее динамичных и доступных для исследования параметров, оказывающих влияние на все основные параметры расселения. В те периоды, когда население растет равномерно, это влияние как бы затушевывается, становится малозаметным, а монотонный демографический фон создает особенно благоприятные предпосылки для проявления других факторов. Сейчас сложилась иная ситуация.

Так же, как и во многих странах Восточной Европы, долговременные тренды смертности и рождаемости, наблюдаемые в бывших европейских республиках СССР в течение всего XX века, к началу 1990-х годов привели к депопуляции^[4]. Она затронула как городское, так и сельское население; хотя и в разной степени – но большинство регионов России, Украины и Белоруссии. Почти случайным образом начало депопуляции совпало по времени с распадом СССР и тяжелым трансформационным кризисом, затронувшим все постсоциалистические страны. На постсоветском пространстве эти трансформации сопровождались кратковременным всплеском миграций как между странами, так и внутри них - между отдельными их регионами. Получила развитие ранее фактически запрещенная эмиграция в страны Запада. Впоследствии объемы миграций – как

международных, так и внутристрановых сократились, но во многом это снижение стало следствием развития разных форм временной миграции, трудно поддающихся статистическому учету[5].

В целом миграция (приток или отток) приобретала все большее значение как компонент динамики численности населения территорий всех уровней – от странового до городского и районного (NUTS-3). При этом пространственное положение малых территорий (например, их близость или удаленность от крупнейших городов, государственных границ, курортных зон) может стирать границы в динамике численности населения городов и сельской местности.

Какой бы уровень мы не рассматривали, миграционные процессы не только способствуют динамике населения путем его перераспределения между отдельными регионами и поселениями, но и, в силу селективности, ощутимо меняют возрастную структуру населения. Особенно значимо это влияние на длительных промежутках времени. В СССР наиболее активное сокращение сельского населения затронуло Центральные районы России, в 1959-1985 годах оно составило 44%. На Украине за тот же период сельское население уменьшилось на 21%, в Белоруссии на 7%[6]. Так как сокращение населения являлось результатом «вымывания» молодежи, оно способствовало ускоренному старению населения и распространению депопуляции[7]. С другой стороны, миграция молодого энергичного населения в города, где имеются учреждения профессионального образования и относительно широкий рынок труда, способствует омоложению возрастной структуры населения и улучшению общей демографической ситуации в них. Эти процессы не уникальны для рассматриваемых постсоветских стран, схожим образом внутренняя миграция влияет на население Германии[8], Чехии[9], Швеции[10].

Параллельно демографическим изменениям получали новое звучание процессы урбанизации. В отдельных проявлениях этого процесса постсоветские страны не успевали не только за странами Запада, но и за Восточной Европой. В частности, процесс субурбанизации, получивший развитие в США и Западной Европе в 1960-1970 годы[11], во многих восточноевропейских странах начался позже[12], а в России, на Украине и в Белоруссии пока получил лишь точечное развитие[13]. Кратковременный тренд переселения горожан в сельскую местность[14], имевший место в начале 1990-х годов, просуществовал недолго (в Белоруссии отрицательный баланс миграции городского населения не был зафиксирован и в этот период, отмечалось только снижение миграционного прироста[15]). Миграционная убыль городского населения не была значительной по объему и не являлась сигналом зарождавшейся субурбанизации, а была следствием острой ситуации в городской экономике. Впоследствии кризис сельского хозяйства, недостаточность финансирования сельской местности, реструктуризация сети учреждений социальной сферы стали факторами дальнейшего оттока населения из сельской местности, который продолжается до настоящего времени.

Что касается субурбанизации, то в отличие от Восточной Европы, этот процесс пошел в европейских странах бывшего СССР очень специфически. Так, в отдельных местностях Польши, Чехии, Венгрии обрушение социалистической модели способствовало деконцентрации расселенческой сети и развитию малоэтажной пригородной субурбии. Анализ современной польской модели, выполненный Купичевским[16], связывает «акселераторное» развитие субурбии вокруг Варшавы в 1993-1994 годах с созданием «эмбрионального среднего класса с доходами, сопоставимыми с доходами среднего класса в Западной Европе и подобными стремлениями и образцами потребления», что «увеличило спрос на высококачественное жилье в приличных условиях окружающей среды». На рост численности населения сельских общин в 30-и км зоне от границ Будапешта в 1990-1997 годах указывают работы Brown and Schafft[17] и др.

В бывших республиках СССР тоже произошло формирование среднего класса, который предъявлял спрос на загородное жилье. Однако в подавляющем большинстве это было «второе» жилье, дача, рассматриваемая как параллельное жилье (по выходным дням)[18]. Соответственно, с точки зрения официальной статистики, эти люди остались жителями, например, Москвы или Киева, а не пополняли собой население Московской или Киевской областей. Таким образом, происходила не

вполне та децентрация расселенческой сети, которая имела место в европейских странах. Этот «постсоветский» вариант дачной субурбанизации, не влияющей на численность населения пригородов, наблюдается не только в рассматриваемых странах, но и, например, в Эстонии[19]. Тем не менее, в исследовании по Московской агломерации отмечено сосредоточивание населения в непосредственной близости от Москвы[20]. Отметим, что процессы движения населения между городами и пригородами трудно поддаются изучению, фактическое население часто не соответствует официальной статистике, это же отмечают и исследователи в восточноевропейских странах[21].

Рост городов и концентрации населения приводит к формированию пространственной структуры типа «центры – периферия». Со времен появления модели[22], она модифицировалась и усложнилась[23], однако, базовые позиции остались неизменными. Центр и периферия находятся в сложных взаимодействиях, чем мощнее центр, тем сильнее, интенсивнее и протяженнее все его связи с окружающей территорией, тем полнее он осуществляет «контроль территории». Одновременно, чем крупнее центр, тем больше он выкачивает из окружающей территории различные необходимые ему для развития виды ресурсов, в том числе население. Центры и периферию можно наблюдать на разных иерархических уровнях: глобальном, общестрановом (межрегиональном), внутрирегиональном. Современные европейские исследования акцентируют внимание на общестрановом уровне, выделяя отдельные значимые ядра и анализируют поведение периферии по отношению к ним[24].

Наши предыдущие исследования по России[25], работы по США[26], по Центральной и Восточной Европе[27] показали, что в условиях сильной поляризации пространства центр-периферийную концепцию продуктивно использовать по отношению к анализу динамики численности населения на внутрирегиональном уровне. Наследие советской модели организации и управления территориальным развитием для современных России, Украины и Белоруссии по-прежнему ведет к тому, что центры регионов выступают центрами организации территории. За очень редким исключением, региональные столицы – это самые крупные по численности населения и мощности экономики города. Пространство вокруг них – ближняя и дальняя периферия. Показателем периферийности может служить физическая удаленность от регионального центра, выраженная расстоянием. Без сомнения, расстояние – это не единственное, что дифференцирует территорию и делает пространство «ухабистым»[28]. Но оно хорошо измеряется и косвенно диагностирует время и риски, требуемые для его преодоления, а также - в условиях иерархически построенного пространства (как было в СССР и остается в постсоветских республиках) – наличие и плотность линейной инфраструктуры.

Особенности сравнения малых территорий

Информационной базой статьи послужили данные о численности населения по малым территориям (= small-scale). В России это муниципальные районы и городские округа (города и находящиеся в их административном подчинении территории), на Украине и в Белоруссии – районы и города специального статуса (самостоятельные административные образования республиканского или областного подчинения). Эти территории в трех странах являются образованиями одинакового территориального уровня, в России они поменяли название в результате муниципальной реформы 2003 года.

Мы анализировали данные по 1751 муниципальному району и 498 городским округам России, 118 районам и 13 горсоветам Белоруссии, 490 районам и 180 городам специального статуса Украины. Эти АТЕ соответствуют уровню NUTS-3, сопоставимые данные на более высоком уровне дезагрегации не публикуются. Кроме того, при анализе динамики населения городов отдельно рассматривались данные по 1069 городам России, 112 городам Белоруссии, и 459 городам Украины. Мы не рассматривали городские поселения, не имеющие городского статуса (они носят название поселков городского типа), т.к. во всех странах их число в последние два десятилетия существенно

сокращалось, часть из них преобразовывались в сельские поселения, часть присоединялись к крупным городам.

Численность населения сравнивалась на даты переписей раундов 1990, 2000 и 2010 годов. Первая дата - Всесоюзная перепись населения, проводимая во всех этих странах в январе 1989 года. Следующий раунд состоялся в Белоруссии в 1999 году, на Украине в 2001 году, в России – в 2002 году. Последняя перепись проведена в Белоруссии в октябре 2009 года, в России – в октябре 2010 года, на Украине она не состоялась. Поэтому население Украины сравнивается на начало 2011 года, численность определена на основании оценки с учетом естественного движения и миграции за 2001-2010 годы (текущий учет населения).

При подготовке статистической базы для анализа динамики и численности населения между датами переписей пришлось столкнуться с рядом трудностей:

1. В России в 1994 году стали доступны данные по ранее закрытым административно-территориальным образованиям (ЗАТО), численность населения которых не публиковалась, т.к. считалась тайной. Данные переписи 1989 года при этом не были скорректированы, поэтому включение ЗАТО в анализ было возможно только за период 2003-2010 годов. В переписи населения 1989 года население ЗАТО включалось в население других административно-территориальных образований, причем методика распределения населения по соображениям секретности не раскрывалась. Известно, что население ЗАТО нередко приписывалось даже другим субъектам Российской Федерации^[29]. Но все же нам удалось скорректировать данные по крупным городам, численность населения которых при переписи 1989 года была искажена из-за присоединения к ним населения ЗАТО. Были поправлены данные по 21 региональному центру и 15 крупным городам областного подчинения, что позволило частично решить проблему искажения численности населения на низовом территориальном уровне. В следующий межпереписной период эта проблема уже не была актуальной. В Белоруссии и на Украине численность населения с учетом бывших ЗАТО была опубликована в 2000-е годы, и мы пользовались сопоставимыми данными, приводимыми в официальных изданиях.

2. В пределах регионов за межпереписные периоды происходили значимые административно-территориальные преобразования, в том числе с изменением границ низовых административно-территориальных единиц (АТЕ). Это касается преобразований сельских поселений в городские, и наоборот, объединения поселений, преобразования границ АТЕ, их слияние. Мы старались учитывать эти изменения в сетке АТЕ в целях корректности сопоставлений.

3. В России мы не рассматривали данные по четырем регионам— республикам Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария и Чеченская республика. Исследовательские оценки показали, что в них имели место серьезные искажения численности населения. По результатам переписи населения 2002 года отклонения от оценок текущего учета достигли суммарно около 1 млн человек^[30]. Похожие проблемы возникли и с данными переписи 2010 года. Это делает бессмысленным сравнение численности населения данных территорий.

При анализе численности населения мы исходили из предположения о том, что динамика населения региональных центров и внутрирегиональной периферии имеет особенности, в этом заключается **методическая основа** работы. Кроме того, периферия сама по себе неоднородна, и изменения в ней могут зависеть от удаленности того или иного района от регионального центра. Поэтому при анализе динамики численности населения за рассматриваемые периоды все АТЕ делились на две группы.

1) Центральные АТЕ («центр»), к которым относились областной (республиканский, краевой) центр с принадлежащими ему населенными пунктами и «центральный» (пристоличный) район. В случае, если территория регионального центра граничит непосредственно не с одним, а с двумя или тремя

административными районами, то все они были отнесены к центральным. Целесообразность такого отнесения для районов, соседствующих с центральным городом, объясняется существованием в каждом таком случае фактически единого локального рынка труда, в пределах которого совершается большой объем маятниковых поездок, формируется единое агломерационное пространство. Кроме того, за анализируемые периоды времени между региональными центрами и близлежащими районами чаще, чем в других местах, совершались административно-территориальные преобразования.

Отдельно подчеркнем, что в данном случае под «центром» понимается не центральный город, а город вместе с пригородами. Мы не изучаем специально динамику населения в пределах городских агломераций, между ее ядром (ядрами) и поселениями - самыми ближайшими их соседями, нас интересует соотношение динамики численности населения этих центров и окружающей их периферии. В данном случае рост/сокращение населения центра означает не только изменение численности населения непосредственно его ядра, но и всех поселений, сгруппированных с ним в единое целое (в рисунках и таблицах они будут обозначены «центр»).

В каждом регионе центр только один, несмотря на то, что, помимо столицы региона, в нем могут быть и другие крупные города, которые мы рассматриваем тоже по отношению к региональному центру. В отдельных случаях они могут выступать локальными центрами притяжения населения, о чем будет сказано отдельно.

2) Периферийные АТЕ, подразделяемые на несколько зон сообразно удаленности АТЕ от центра — на периферию 1-го, 2-го ... 8-го порядков. Порядок соседства имеет значение: так, средняя удаленность центров административных районов первого порядка от региональных центров составляет 30-50 км, что предполагает наличие неплохой связности с центром и, соответственно, формирование системы интенсивных маятниковых, рекреационных поездок и социально-трудовых связей. Однако, в северных и восточных регионах России в силу огромности пространства соседи первого порядка, как правило, уже значительно удалены от регионального центра — на 100 и более км, что предопределяет слабую связь с ним. Но, в любом случае, чем дальше от центра располагается город или район, тем связи слабее и тем к более дальней периферии, в принятой нами терминологии, его следует относить. Подобным образом данные группировались по каждому региону по анализируемым странам в целом и их крупным частям.

Для характеристики динамики численности населения с точки зрения центрально-периферийных градиентов, кроме ранговых порядков по отношению к центру, использовался также критерий удаленности (физического расстояния) центров низовых АТЕ от региональной столицы, выраженный в километрах^[31]. Такая группировка дополняет ранговую, так как данный критерий удаленности меньше зависит от различий в размере и конфигурации АТЕ в густо- и редконаселенных частях сравниваемых стран, позволяя производить более дробные группировки.

В отдельных частях статьи нами более подробно проанализирована ситуация в России (в т.ч. на уровне ее крупных частей – федеральных округов), т.к. она пространственно менее однородна, чем две другие анализируемые страны.

Почему сравнивались три страны

Россия, Украина и Белоруссия – ближайшие соседи, которые объединяет долгое историческое прошлое, до сих пор ощущаются последствия войн и катастроф, оставивших глубокие следы на их населении^[32]. Но мы выбрали эти страны для анализа по причине наличия схожей статистической информации. Перепись 1989 года, от данных которой базируются расчеты, проходила в этих странах одновременно, по единой программе и была одинаково организована. Близки подходы трех стран к формированию демографической статистики, в т.ч. текущего учета населения. Аналогично административно-территориальное деление, уходящее корнями в общее прошлое и мало

изменившееся с тех времен, а также выделение поселенческих структур (городское/сельское население и т.п.). Кроме того, страны характеризует схожая демографическая ситуация, тренды динамики естественного движения населения.

Разумеется, есть и отличия. Прежде всего, они связаны с размерами территории, ведь Россия принадлежит к числу стран-гигантов, при этом заселена крайне неравномерно. Отдельные показатели заселенности территории различаются в несколько раз. Разделение России на европейскую и азиатскую части (табл. 1) делает показатели более сравнимыми с Украиной и Белоруссией, но даже Европейская часть России, в среднем, заселена реже и менее равномерно – сказываются особенности природно-климатических условий ее северной части, значимые для расселения.

Таблица 1. Некоторые характеристики административно-территориального деления и расселения в России, Украине и Белоруссии, 2010 год

	Россия	В том числе:		Украина	Бело- руссия
		Европейская часть	Азиатская часть		
Средний размер территории, км					
региона	211,1	73,4	486,4	24,1	34,6
административного района (городских территорий)	7,3	2,5	17,0	0,9	1,6
Число городов на 100 тыс. кв. км.	6,4	19,8	2,4	76,1	54,4
Плотность населения на 1 кв. км.	8,4	26,5	2,9	75,8	45,8
Доля городского населения, %	73,8	73,6	75,3	68,8	74,3
Доля населения (%), проживающего в:					
столице	8,1	-	-	6,1	19,3
городах с населением более 1 млн. человек	19,8	22,0	13,6	13,7	19,3
региональных столицах	37,5	38,9	33,6	31,0	38,7
городах с населением более 100 тыс. человек	49,2	50,0	46,7	39,6	50,2
Средняя численность населения административных районов (городских территорий), тыс. человек	61,1	67,2	48,7	68,3	73,1
Средняя численность населения регионального центра, тыс. человек	661,5	758,1	468,1	568,3	613,3
То же, без учета столиц стран, городов федерального подчинения и «пристоличных» областей	470,1	471,1	468,1	459,4	368,6

В то же время по доле городского населения и степени концентрации жителей в крупных городах страны очень похожи, параллельными траекториями развивалась сеть городов. Страны очень близки по показателю средней численности населения сравниваемых малых территорий. Это во многом является следствием единых в прошлом подходов к формированию административно-территориального деления, в основу которого закладывался принцип управляемости. Кроме того, страны схожи по показателю средней численности населения региональных центров. Однако

разные размеры столиц стран и их доля в населении стран несколько искажают картину. Минск велик для Белоруссии и сильно увеличивает средний размер региональных центров. Москва занимает не столь большую долю в населении страны, но как региональный центр непомерно велика не только для Московской области, но и в сравнении с другими региональными центрами (как и Санкт-Петербург). Без столиц государств и «пристоличных» областей размеры региональных центров сравниваемых стран вполне сопоставимы.

Во всех трех рассматриваемых странах депопуляция началась почти одновременно (на Украине – в 1991 году, в России – в 1992 году, в Белоруссии – в 1993 году) и совпала со временем распада СССР. В течение всех 1990-2000-х годов все страны характеризовались превышением числа смертей над числом рождений, схожей временной динамикой основных демографических показателей, старением населения, отрицательной динамикой сельского населения. При этом темпы естественной убыли населения почти все годы были выше на Украине, в России и Белоруссии показатели долгое время были очень схожи. В последние годы во всех трех странах темпы естественной убыли снизились.

Неодинаковой была миграционная ситуация. Россия и Белоруссия имели миграционный прирост населения, в определенной мере компенсирующий потери от депопуляции, в то же время на Украине до середины 2000-х годов международная миграция вела к дополнительному сокращению численности населения^[33]. В начале 1990-х годов страны характеризовались схожими показателями уровня жизни населения, впоследствии траектории социально-экономического развития разошлись. Немаловажную роль в этом сыграли доходы от экспорта сырьевых ресурсов, позволившие России уйти вперед по ряду значимых социально-экономических показателей (прежде всего, по доходам населения). Налицо и серьезные меж- и внутрирегиональные неравенства, влияющие на внутристрановые пространственные перераспределения населения.

Усиление центрo-периферийных контрастов

Группировка районов и городов России, Украины и Белоруссии на центральные и периферийные (разной удаленности от центров регионов) показывает сходство в динамике численности населения центров и периферийных территорий. В России и Белоруссии население центров в оба рассматриваемых межпереписных периода увеличивалось, на Украине – сокращалось, но не такими высокими темпами, как на периферии. Возможно, это является результатом разного баланса международной миграции (на Украине оно отрицательное), выезд в другие страны был для жителей периферии альтернативой оттока в свои города. При этом в России всегда, чем дальше от регионального центра располагается город или административный район, тем интенсивнее сокращалось его население (рис. 1), тогда как на Украине и в Белоруссии эта зависимость не прослеживалась.

Учитывая большой размер Москвы и Санкт-Петербурга и то влияние, которое оказывает динамика численности их населения на общие по России итоги, мы дополнительно рассчитали данные по центрам с учетом этих городов и без них. Получается, что только они обеспечили прирост населения центров на 2,9 п.п. в 1990-е годы и на 2,1 п.п. в 2000-е. Без этих городов центры России увеличивали население существенно слабее, чем центры Белоруссии.

Москва оказывает влияние на соседние территории в гораздо большей степени, чем Киев и Минск. Близость к Москве обеспечивает рост населения в большей части городов и районов Московской области, причем многие города численно росли быстрее, чем сама Москва. В Киевской области в 2000-е годы увеличили население всего несколько городов, не было роста ни у одного района, многие из них сократили численность жителей на 10% и более. В Минской области в этот период вместе с Минском увеличивали население несколько городов и пристоличный Минский район, большинство районов уменьшало население более чем на 10%. Получается, что на Украине и в Белоруссии столичные области, несмотря на непосредственное соседство с крупнейшими городами

своих стран, по динамике численности населения ничем не отличаются от других областей и тем самым похожи на непристоличные области Центральной России.

Во всех странах различия в динамике численности населения в 2000-е годы усилились по сравнению с 1990-ми годами. Но в России они нарастали по мере удаления от центра, тогда как в двух других странах различия в динамике населения между ближней и дальней периферией практически не были выражены. В 1990-е годы наиболее стабильным население периферии было в Белоруссии. Однако в 2000-е годы ситуация там резко изменилась: темпы сокращения населения периферии теперь здесь выше, чем в двух других рассматриваемых странах. Возможно, это связано с возросшей концентрацией экономической жизни в Минске^[34], и связанным с этим активным перетоком населения. При этом влияние на всю страну оказывается очень заметным вследствие того, что столица в Белоруссии, по сравнению с Украиной и Россией, занимает непропорционально большое место в своей стране. Несмотря на сильные различия в динамике населения между центрами и периферией, последняя сокращалась в 2000-е годы меньшими темпами, чем в соседних странах.

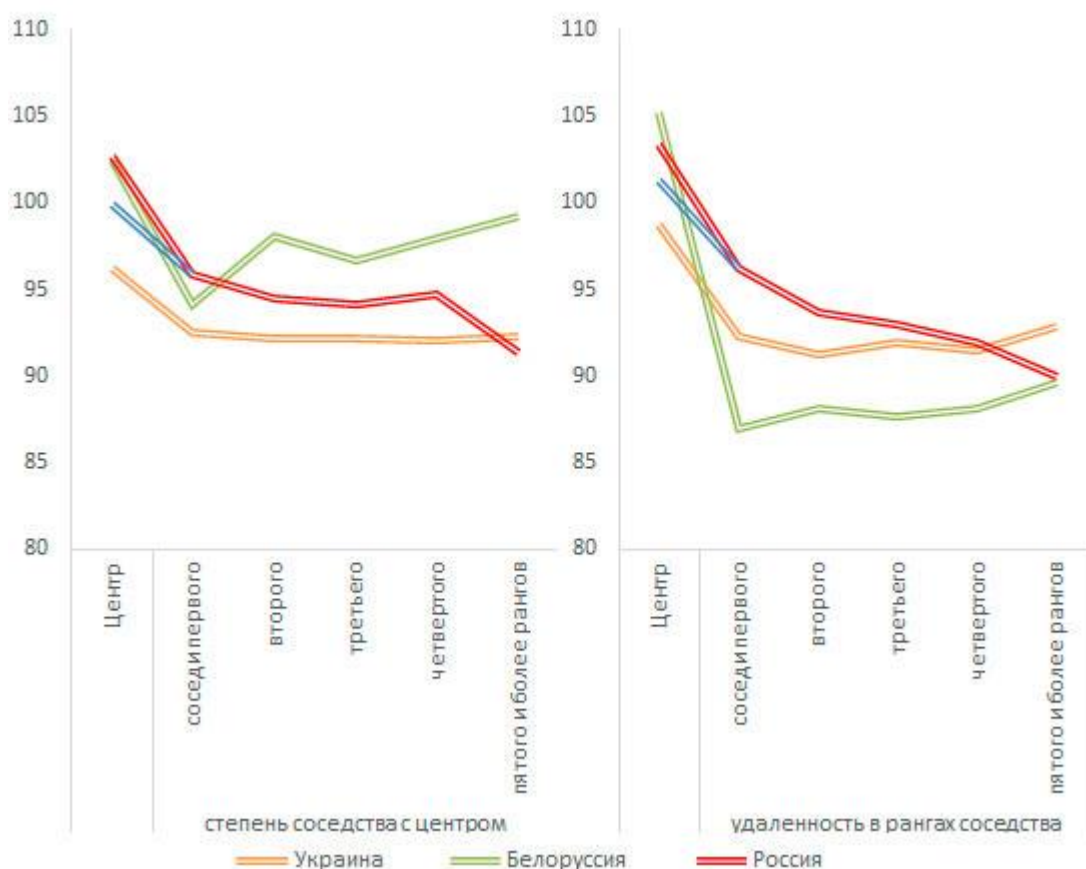

Рисунок 1. Изменение численности населения низовых АТЕ в зависимости от рангового порядка удаленности от регионального центра, 1990-е и 2000-е годы, в % к началу периода

* По России расчеты не учитывали АТЕ республик Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария и Чеченской.

В определенном смысле корректнее сравнивать Украину и Белоруссию не со всей большой по площади и населению Россией, а с ее европейской и азиатской частями. Как следует из табл. 2, в

1990-е годы динамика центров и периферии регионов Европейской части России была схожей с Белорусской, а Азиатской части – с Украинской. В 2000-е годы самой позитивной была динамика периферийных территорий Европейской России, а самой негативной – периферии Белоруссии.

Таблица 2. Прирост или убыль населения низовых АТЕ в зависимости от рангового порядка удаленности от регионального центра, 1990-е и 2000-е годы, в % к началу периода

	Украина	Белоруссия	Европейская Россия	Азиатская Россия
<i>1990-е годы</i>				
Всего	93,7	99,0	99,4	93,4
Центр	96,2	102,5	102,7	99,1
<i>порядок соседства</i>				
первый	92,5	94,1	97,6	91,7
второй	92,2	98,1	96,4	90,5
третий	92,2	96,6	96,4	88,0
четвертый	92,0	97,9	97,1	88,4
пятый и более	92,2	99,2	94,2	88,8
<i>2000-е годы</i>				
Всего	94,4	94,6	98,6	96,1
Центр	98,7	105,2	103,4	102,4
<i>порядок соседства</i>				
первый	92,3	87,0	97,2	95,3
второй	91,2	88,2	94,3	92,7
третий	91,9	87,7	94,0	89,3
четвертый	91,4	88,1	92,8	89,4
пятый и более	92,9	89,6	90,5	89,3

Если спуститься в расчетах по России еще на ступеньку ниже, то можно рассчитать показатели для крупных ее частей – федеральных округов. Большинство из них превосходит по территории Украину, и многие больше Белоруссии по численности населения, т.е. эти части по отдельности вполне сопоставимы с Украиной и Белоруссией.

В 1990-е годы по мере удаленности от региональных центров наиболее сильно нарастало сокращение населения в Центральном, Северо-Западном и Сибирском федеральных округах (табл. 3). Напротив, в Приволжском и Уральском округах соседи центров 1-го порядка имели даже более позитивную динамику населения, чем центры. Здесь активно росли города, экономически более благополучные, чем региональные столицы, например, Тольятти с развитым автомобилестроением, нефтедобывающие Когалым, Нефтеюганск, Сургут.

Таблица 3. Прирост или убыль населения АТЕ по федеральным округам России в зависимости от рангового порядка удаленности от регионального центра, 2002 к 1989 году и 2010 к 2002 году, в %

Ранг соседства	Федеральные округа						
	Центра- льный	Северо- Западный	Юж- ный*	Привол- жский	Ураль- ский	Сибир- ский	Дальне- восточный
2002 год к 1989 году, прирост/убыль							
Всего	0,3	-8,6	7,1	-1,8	-3,1	-5,0	-16,2
центр	7,3	-5,4	8,0	-1,2	-0,3	1,0	-6,5
соседи 1-го	-5,2	-8,1	6,5	-0,4	0,5	-7,0	-21,6
2-го	-6,8	-11,1	8,2	-5,7	-4,9	-7,8	-22,6
3-го	-8,3	-15,4	6,0	-3,0	-10,5	-9,8	-22,6
4-го	-10,9	-15,2	6,4	0,2	-10,7	-7,0	-24,2
5-го	-3,9	-19,3	1,9	-0,7	-5,0	-9,7	-22,6
6-го	-12,1	-37,2	-5,3	-0,9	-5,7	-10,2	-28,0
7-8-го порядков	-21,2	-	-6,3	-	-11,9	-16,6	-5,7
2010 год к 2002 году, прирост/убыль							
Всего	0,9	-2,8	-0,5	-4,1	-2,3	-4,3	-5,7
центр	6,5	2,6	2,2	-0,7	2,9	2,8	0,3
соседи 1-го	-2,7	-6,7	-3,1	-3,2	-2,1	-5,7	-7,9
2-го	-6,3	-10,5	-0,9	-8,5	-4,5	-8,0	-10,4
3-го	-6,9	-13,1	-0,4	-7,1	-9,8	-10,5	-13,3
4-го	-10,1	-12,1	-4,0	-6,2	-11,8	-9,0	-13,5
5-го	-7,8	-13,8	-5,8	-8,4	-5,9	-11,5	-9,4
6-го	-10,4	-27,2	-7,7	-8,4	-14,3	-11,0	-17,7
7-8-го порядков	-21,3	-	-9,9	-	-14,1	-17,5	-8,9

* не включая АТЕ республик Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария и Чеченской.

Что касается центров регионов, то в 1990-е годы они увеличивали население только в Центральном (благодаря Москве) Южном и Сибирском округах. Причем на юге рост отмечался повсеместно, а в Сибири – за счет столиц этнических республик с еще незавершенным демографическим переходом и урбанизацией (такова ситуация в Тыве, Хакасии и Бурятии).

В следующем десятилетии положение было иным: население центров имело позитивную динамику во всех округах, кроме Приволжского, который стал основным крупным районом, отдающим мигрантов другим частям страны (Центру, Уралу). При этом в Центральном округе рост центров обеспечивался как за счет Москвы, так и благодаря ближайшим к Москве городам Московской области, которые в соответствии с нашей методикой были отнесены к центру (на том же основании, что и пристольные районы других регионов). Фактически это неразрывно заселенное пространство, при этом к Москве административно не принадлежащее. На Урале и в Сибири рост центров обеспечивали самые крупные и экономически сильные города - Екатеринбург, Тюмень, Челябинск, Новосибирск, Красноярск, Томск. И даже на Дальнем Востоке центры в целом население не

сокращали, но, происходило это благодаря сильному росту населения приполярного Якутска (по тем же причинам, которые характерны для Тывы или Бурятии).

В России относительно благоприятные (сравнительно с периферией) показатели динамики населения региональных центров обеспечиваются, в первую очередь, внутрирегиональной миграцией. Во многих регионах она имеет выраженную центростремительную направленность. Особенно привлекательны региональные центры для молодежи: по оценке, проведенной для 19 регионов России, в 1990-е годы миграционный прирост обеспечивал в региональных центрах увеличение численности молодежи в возрастах 15-19 лет и 20-24 года на 25-30%, а в 2000-е годы – на 30-40%^[35]. Центры притягивают молодежь благодаря концентрации в них колледжей и университетов, здесь же молодые люди имеют лучшие возможности найти работу. Впрочем, такова ситуация во всем мире: молодежь привлекают крупные города.

По своим масштабам сокращение численности населения всей периферии Украины в 1990-е годы близко к динамике численности дальней периферии Центрального и Сибирского округов России (соседей центров 3 и более порядков). В 2000-е годы сокращение населения периферийных территорий Украины и Белоруссии было таким же, как в дальней периферии Центрального, Приволжского, Уральского и Сибирского округов (0,7-1,2% в год),

Динамика численности населения АТЕ России, Украины и Белоруссии, сгруппированных по расстоянию до региональных столиц (в км), схожа с той, что мы получили путем группировки по порядку соседства с региональными центрами (ср. рис. 1 и рис. 2). По динамике изменения численности населения во всех трех странах центры четко обособлены от периферии. Самый резкий переход к быстрой убыли населения отмечен уже на удаленности свыше 30 км от центров. Похожий 30-километровый «порог» отмечают исследователи в Венгрии^[36], как расстояние, легко преодолеваемое при поездке в центр.

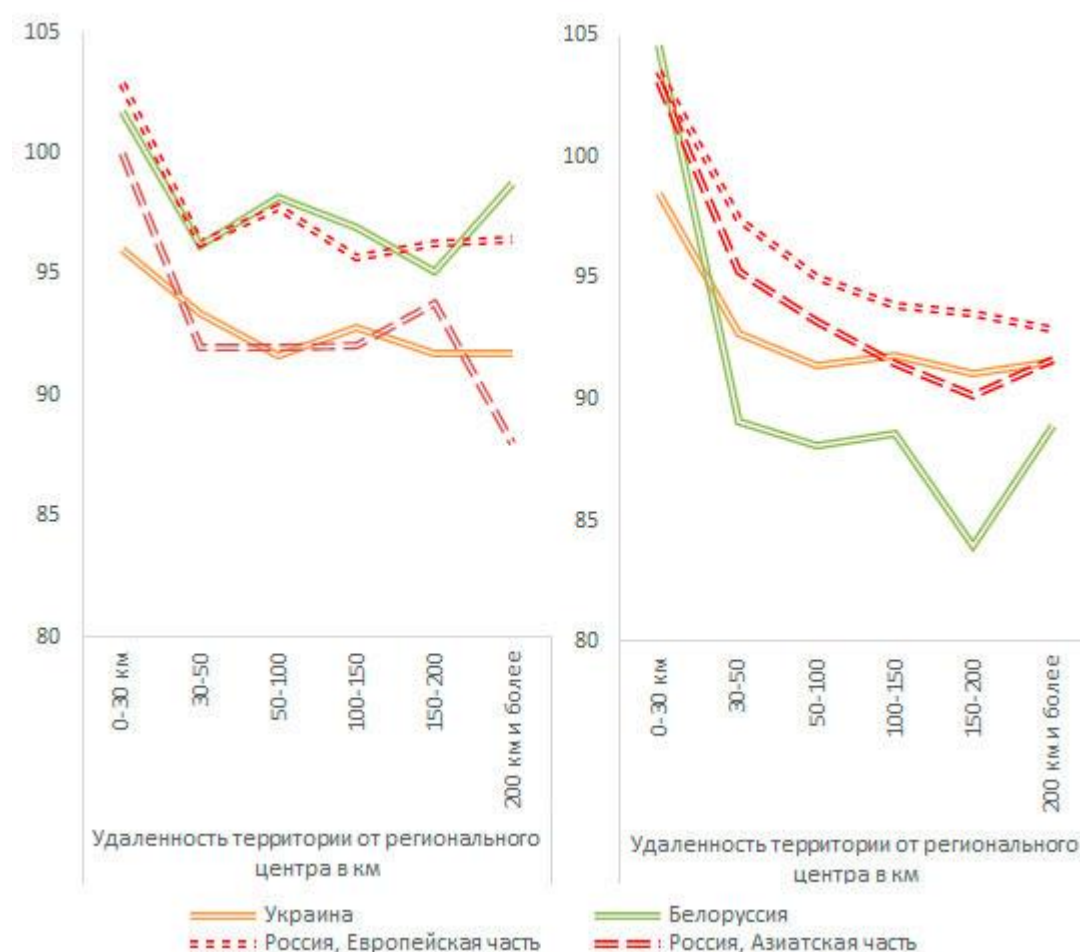

Рисунок 2. Изменение численности населения низовых АТЕ в зависимости от удаленности от регионального центра в км, 1990-е и 2000-е годы, в % к началу периода

Наши расчеты показывают, что в региональных центрах и на удалении от них менее чем на 30 км проживают около 40% численности населения стран, за последние 2 десятилетия эта доля увеличилась (табл. 4). Это свидетельствует о процессе концентрации населения в центрах и близко прилегающих к ним территориях, за пределами этой зоны население убывает. В центрах регионов происходит ситуация взаимного наложения агломерационных эффектов и институциональных факторов, эта «сумма» перевешивает плюсы децентрации.

Таблица 4. Доля (%) населения АТЕ, проживающего по удаленности от региональных центров (в км), на даты переписей

	Украина			Белоруссия			Россия		
	1989	2001	2011*	1989	1999	2009	1989	2002	2010
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Удаленность АТЕ от региональных центров (включая центры), км									
0-30 км	38,8	39,8	41,5	38,9	40,0	44,2	42,4	44,4	46,7
30-50	9,8	9,7	9,6	5,7	5,5	5,2	5,4	5,2	5,3

	Украина			Белоруссия			Россия		
	1989	2001	2011*	1989	1999	2009	1989	2002	2010
50-100	25,7	25,1	24,3	17,6	17,5	16,3	12,4	12,3	11,9
100-150	16,7	16,5	16,1	21,2	20,8	19,5	11,3	11,0	10,3
150-200	6,6	6,4	6,2	8,6	8,3	7,4	7,2	7,0	6,6
200 и более км	2,5	2,4	2,3	7,9	7,9	7,4	21,4	20,2	19,1

* оценка на начало года, данные текущего учета населения

Существенная разница в размерах территории регионов России, Украины и Белоруссии служит причиной сильных различий между ними в доступности региональных центров. В 2009-2011 годах на расстоянии, превышающем 200 км от региональных центров, проживало 2,3% жителей Украины, 7,4% жителей Белоруссии и 19,1% жителей России. В России значительная часть населения проживала на расстоянии более 500 км от региональных центров. В 1989 году таких было 5,7 млн, в 2002 году - 4,4 млн, в 2010 году - 3,9 млн человек. Таким образом, и без того практически незаселенные территории, располагающиеся в Сибири и на Дальнем Востоке, потеряли за последние два десятилетия треть своего населения. Особенно значительными потери самой отдаленной периферии в России были в 1990-е годы, когда система расселения, на севере и востоке страны, сформированная в советский период, стала разрушаться. Максимальную абсолютную убыль населения понесли такие города, как Воркута, Инта, Норильск, Игарка, Тында, Нерюнгри.

На рис. 3-5 представлены картограммы, показывающие изменения численности населения АТЕ Белоруссии, Украины и Центрального федерального округа России (сопоставимого с анализируемыми странами по размеру и численности населения) за весь постсоветский период. Происходящие изменения позволяют предположить направление изменений в характере расселения. Происходит концентрация населения вблизи региональных центров и децентрация на периферии. Особенно хорошо это заметно там, где столицы регионов находятся в географических центрах своих территорий и не оттянуты к их границам. В перспективе мы будем иметь еще более безлюдные периферийные пространства внутри регионов, чем это наблюдается даже сейчас, когда градиенты падения плотности населения и так высоки.

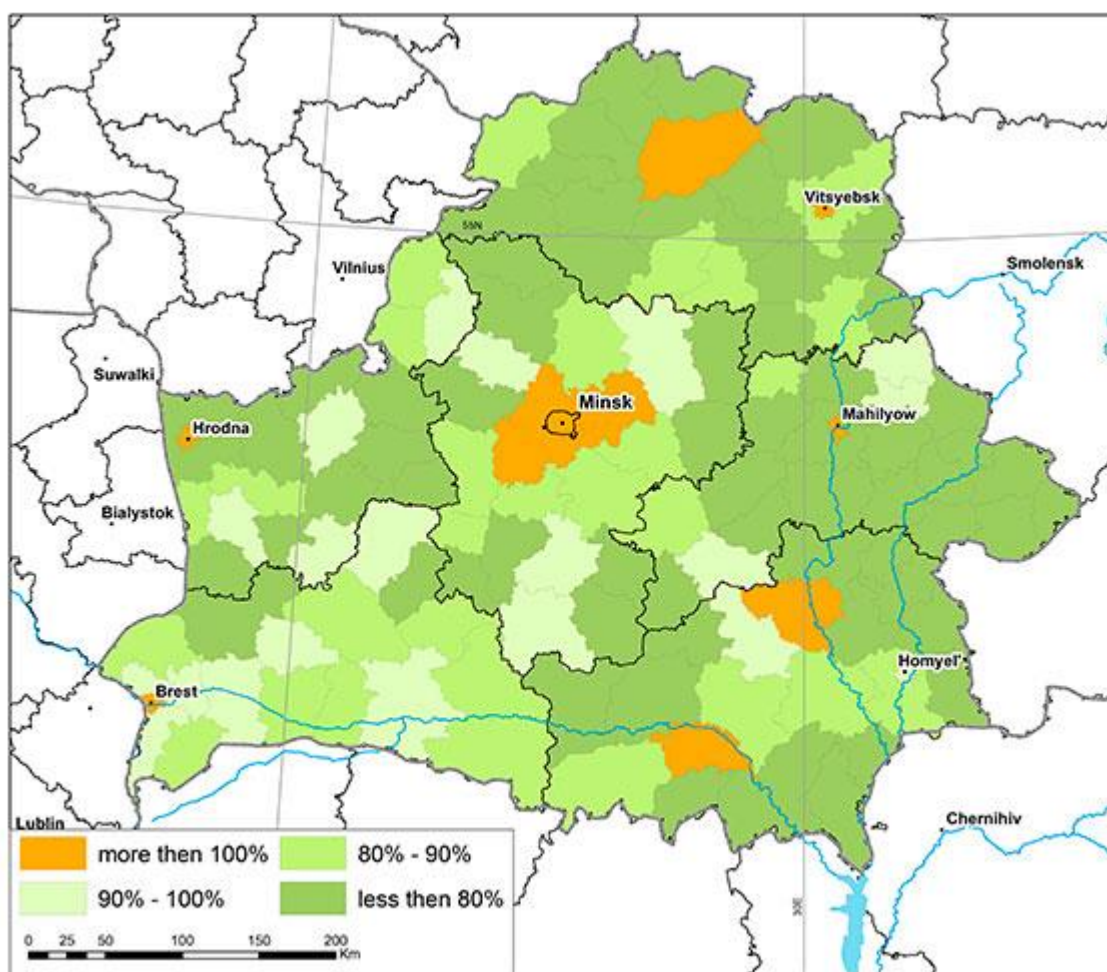

Рисунок 3. Изменение численности населения, Белоруссия, 2009 к 1989, %

Источник: Данные Государственного комитета статистики Республики Беларусь <http://belstat.gov.by>

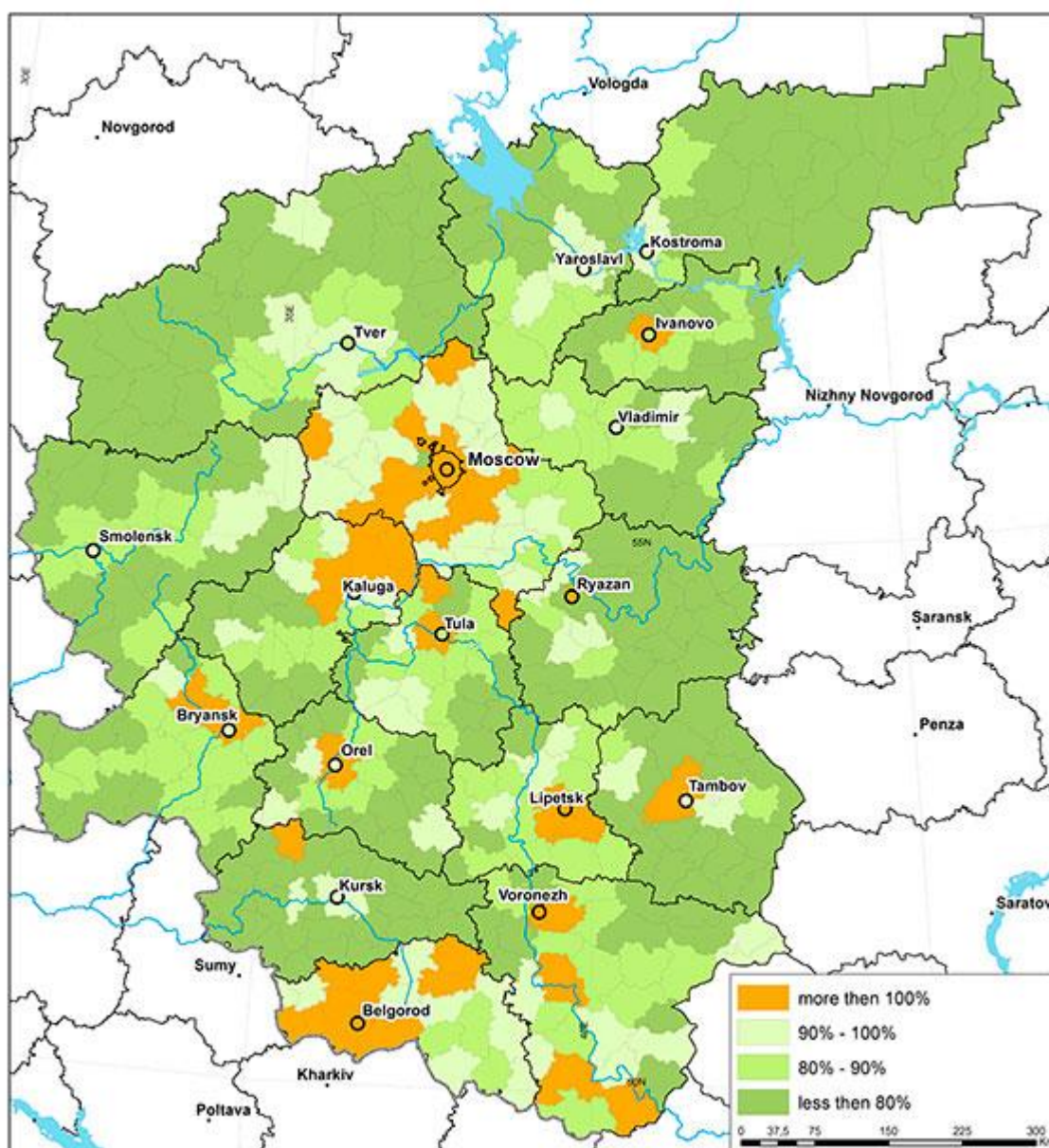

Рисунок 4. Изменение численности населения, Центральный федеральный округ России, 2010 к 1989, %

Источник: Данные Росстата <http://www.gks.ru>

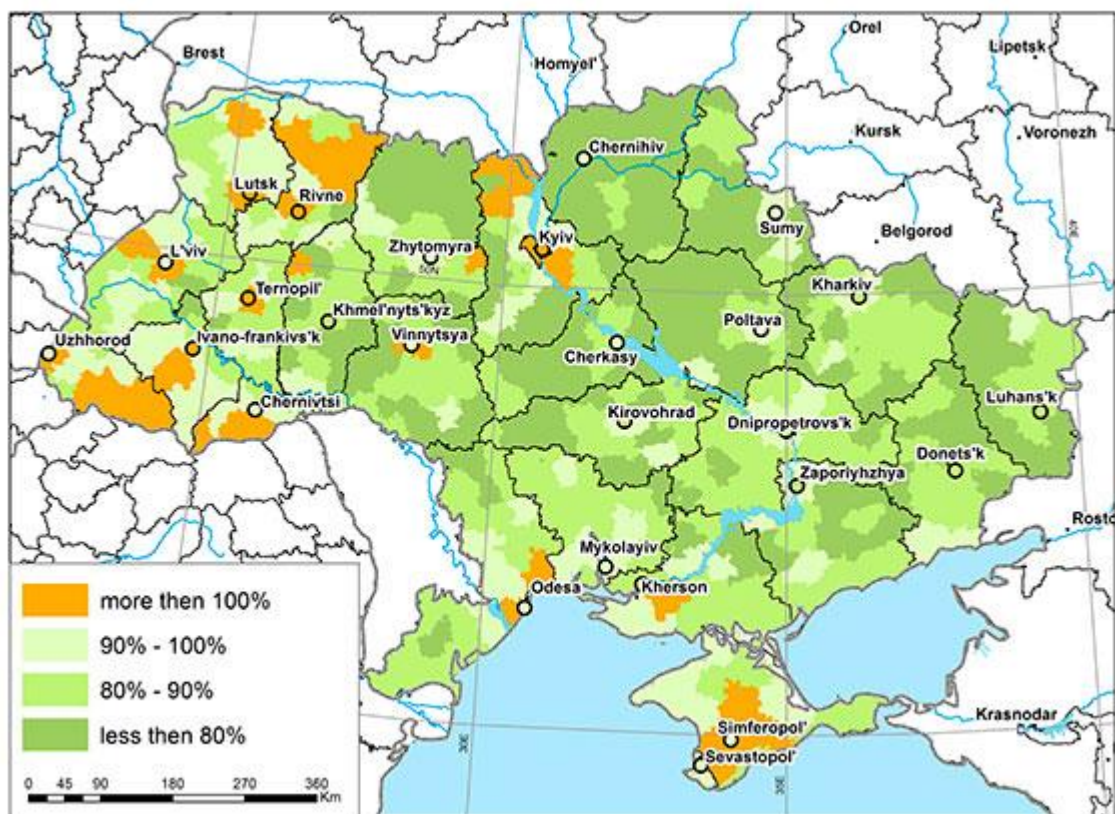

Рисунок 5. Изменение численности населения, Украина, 2011 к 1989, %

Источник: Государственная служба статистики Украины <http://www.ukrstat.gov.ua>

Динамика населения городов зависит от их размера

Внутрирегиональная периферия неоднородна, ее образуют поселения разного размера и статуса. Полагаем, что динамика численности населения у городов разного размера и сельской местности различались. Города могут выполнять функцию центров концентрации населения более низкого порядка, притягивая население из окружающих их сельских поселений.

Динамика численности населения городов и сельской местности в зависимости от удаленности от регионального центра представлена на рис. 6 и 7. Сравнение страновых трендов за 1990 и 2000-е годы показывает, что изменение численности населения городов мало зависит от их удаленности от региональных центров. Для сельского же населения такая зависимость есть: население дальней периферии убывает быстрее, чем приближенное к центрам. Особенно четко эта тенденция проявляется в России. Кроме того, в 1990-е годы динамика численности населения городов сильно различалась, в то время как в 2000-е годы показатели сблизились. Убыль сельского населения, напротив, во второй рассмотренный период стала различаться сильнее, за счет усилившегося сокращения населения Белоруссии.

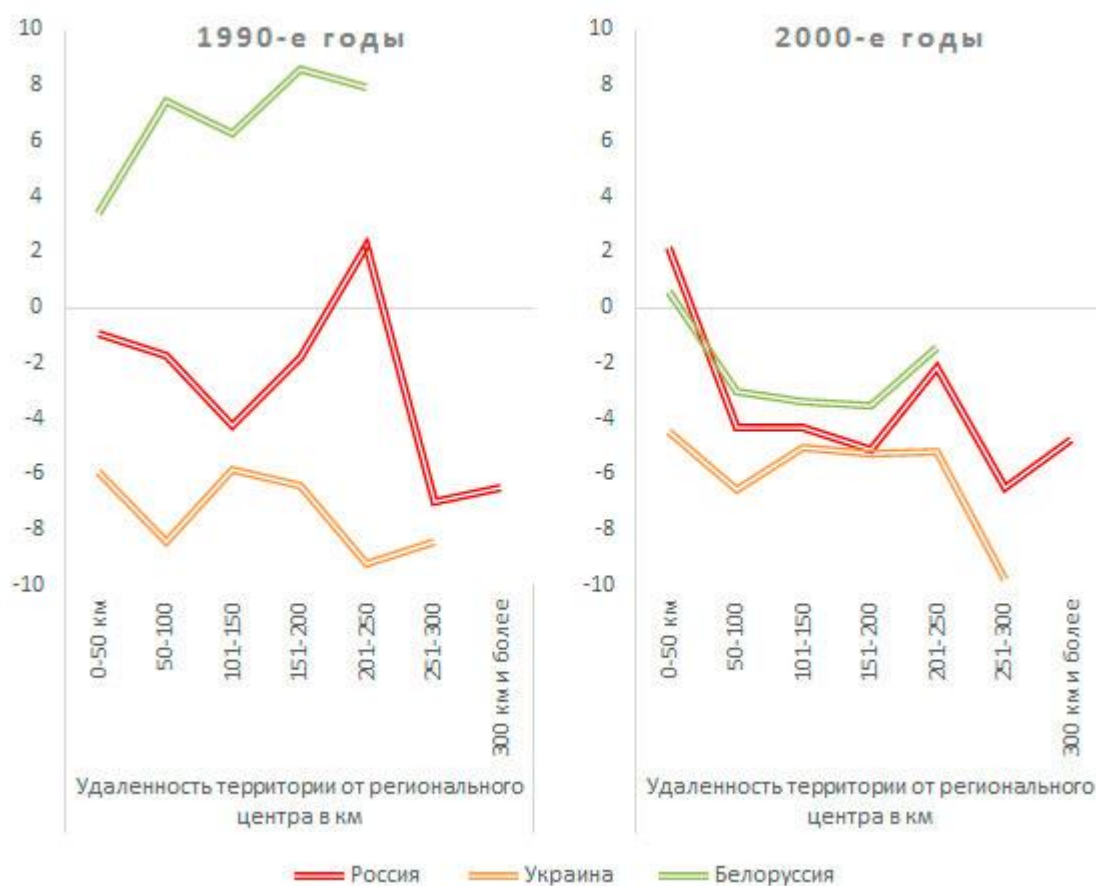

Рисунок 6. Изменение численности населения городов в зависимости от удаленности от регионального центра, в %

Примечание: население самих городов – региональных центров не учитывалось в расчетах

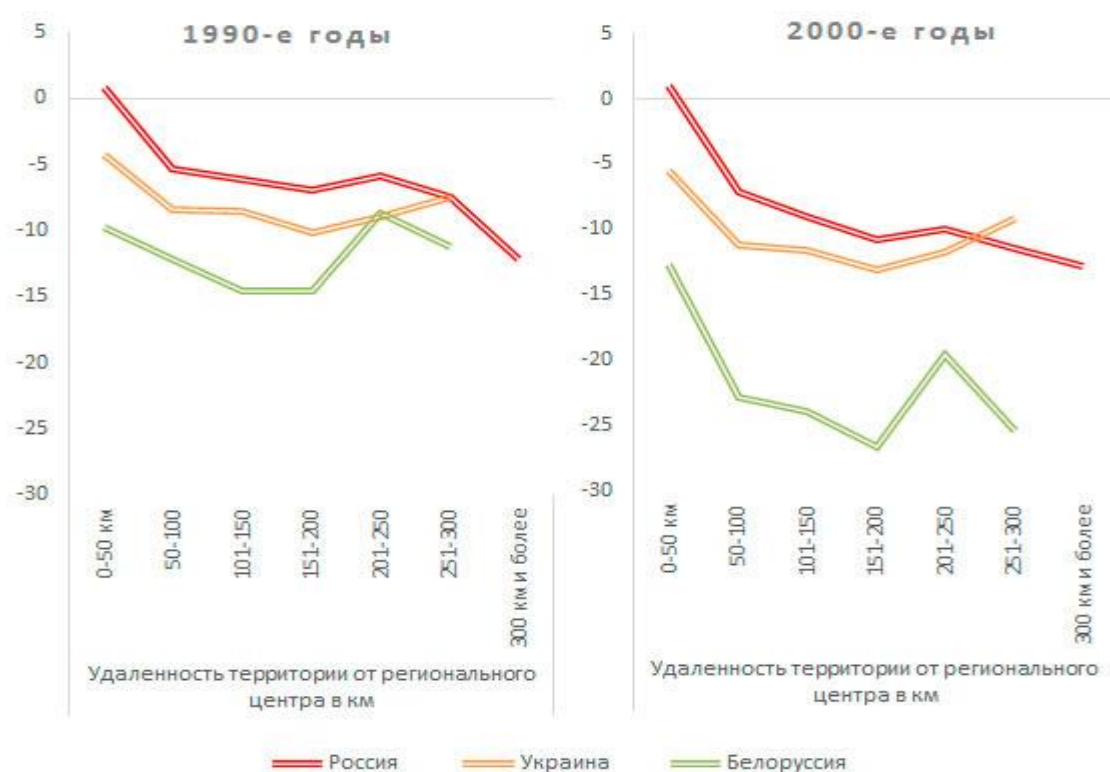

Рисунок 7. Изменение численности населения сельских поселений в зависимости от удаленности от регионального центра, в %

Почему динамика населения городов всех рассматриваемых стран не зависит от их удаленности от региональных центров? На рис. 6 видно, что в России и Белоруссии на большом расстоянии от центров (200-250 км) население городов демонстрирует более позитивную динамику, чем ближних к центрам городов. В наших предыдущих исследованиях^[37] по России был проведен анализ этой ситуации в отдельных регионах. Он показал, что в России на удалении в 200-250 км от региональных центров располагается ряд средних и крупных городов – центров притяжения населения второго порядка. Часть из них были экономически благополучными и устойчивыми благодаря экспортноориентированной структуре экономики (нефтедобыча, нефтехимия, химическая промышленность, металлургия). Есть такие центры и в Белоруссии, например, Барановичи с развитой промышленностью, Солигорск (самый «богатый» город страны, экономическое благополучие которого связано с добычей калийных солей и экспортом удобрений). Кроме того, развитию вторых центров в Белоруссии способствует «периферийное, внецентристическое положение четырех из шести региональных центров – как по отношению к территории своих областей, так и страны в целом»^[38]. На Украине, несмотря на наличие крупных городов, расположенных на значительном удалении от региональных столиц и способных стать центрами притяжения населения второго порядка, они не демонстрировали роста населения (исключение – г. Белая Церковь Киевской области, здесь может сказываться эффект притягивающей роли Киева). Много крупных городов расположено на востоке Украины в ее старых индустриальных регионах, где демографическая ситуация хуже, чем в стране в целом. По-видимому, сокращение населения этих городов связано, во-первых, с сильной депопуляцией периферии, во-вторых – с неблагоприятной социально-экономической ситуацией в самих городах.

Это еще раз подтверждает наше предположение, что большое удаление от региональных центров, как это ни парадоксально, обеспечивает им устойчивость. У таких городов формируется

собственная периферия, которая менее ориентирована на региональный центр. Но стабильность населения подобных центров может обеспечивать только многолюдная периферия с достаточным количеством населения, прежде всего молодого. В Белоруссии она еще сохранялась в анализируемый временной промежуток, в России такая периферия есть в Приволжском и Южном округах, на Украине в большинстве регионов периферия находится в состоянии демографического упадка.

Динамика населения крупных городов (свыше 100 тысяч человек) в оба рассматриваемых периода практически не зависела от их положения относительно региональных центров. Именно эти города, обладая большой численностью населения, часто вносят возмущения в центрально-периферийный тренд динамики численности населения.

Анализ динамики численности населения городов с делением их по размеру показывает, что в России изменения людности небольших городов все же зависят от удаленности от регионального центра (табл. 5). На Украине подобная зависимость почти не выражена. В Белоруссии, к сожалению, небольшое число городов не позволяет делать релевантные оценки.

Таблица 5. Доля городов, имевших прирост населения, в зависимости от их людности и удаленности от регионального центра, в % от общего числа городов в данной группе

Численность населения города на начало периода, тысяч человек	Расстояние от центра, км		
	менее 50	50-100	100 и более
<i>Россия, 1989-2002 годы</i>			
менее 50	49,5	36,4	26,7
от 50 до 100	33,3	26,9	37,1
более 100	52,6	15,8	43,1
<i>Украина, 1989-2001 годы</i>			
менее 50	32,0	15,6	17,1
от 50 до 100	33,3	7,4	5,6
более 100	0,0	11,1	0,0
<i>Россия, 2003-2010 годы</i>			
менее 50	36,8	23,3	13,2
от 50 до 100	52,9	24,1	21,1
более 100	47,8	15,8	26,9
<i>Украина, 2002-2010 годы</i>			
менее 50	23,7	16,3	13,3
от 50 до 100	44,4	3,7	5,6
более 100	0,0	22,2	10,0

В России за 1989-2002 годы на большой удаленности от региональных центров положительная динамика численности населения отмечалась у четверти малых городов, у трети средних и у 43% крупных (табл. 5). В 2003-2010 годах доля городов с положительной динамикой в каждой группе сократилась примерно вдвое. В Украине значимых изменений не отмечено, т.к. в оба периода городов с позитивной динамикой населения было мало. При равно проблемной ситуации с воспроизводством населения причина различий, по-видимому, заключается в разном весе внешних миграций. 1990-е годы в России были отмечены высоким миграционным приростом населения,

который распределялся не только в крупные города страны, но и в относительно небольшие и малые, прирост получила также сельская местность. Для экономических мигрантов и репатриантов, бежавших от проблем в своих республиках и переселяющихся в Россию, зачастую в экстренных условиях, небольшие города и сельская местность были привлекательны низкой стоимостью жилья, возможностью ведения личного подсобного хозяйства. На Украине не было притока извне в 1990-е годы, напротив, имел место выезд, и негативные тенденции в естественном воспроизводстве сказывались на динамике численности населения в большей степени, чем в России.

Что касается центров второго порядка, то лишь немногие города на периферии могут выполнять такую роль. В России и на Украине на периферии малые города теряют население почти так же интенсивно, как сельская местность (табл. 6). Удержать численность и даже увеличить ее, способны только города, находящиеся в непосредственной близости от региональных центров. Часто эти «младшие братья» в агломерации выполняют функции спальных районов для центров, что обеспечивает им приток как инвестиций в жилищное строительство, так и собственно населения. В Белоруссии в 1990-е годы малые города на периферии увеличивали население за счет миграции из окружающих сельских поселений. В 2000-е годы, по-видимому, эта подпитка сократилась, и малые города тоже начали терять население, но все же не такими темпами, как окружающая их сельская местность.

Таблица 6. Прирост/убыль сельского населения и населения малых городов* в зависимости от рангового порядка удаленности от регионального центра, в %

		Центр	Удаленность от центра				
			1-го порядка	2-го порядка	3-го порядка	4-го порядка	5 и более порядков
1990-е годы							
Украина	сельская местность	-1,7	-7,6	-7,7	-9,4	-9,1	-7,8
	малые города	-2,7	-5,0	-7,3	-5,8	0,2	-8,6
Белоруссия	сельская местность	-7,8	-9,2	-15,4	-10,3	-17,1	-17,6
	малые города	12,8	4,7	3,6	9,4	11,6	11,7
Россия	сельская местность	2,7	-4,9	-7,3	-7,4	-7,2	-7,4
	малые города	0,2	-2,5	-4,9	-5,1	-8,6	-6,5
2000-е годы							
Украина	сельская местность	-1,4	-10,1	-11	-12,4	-11	-10,8
	малые города	-0,4	-5,1	-6,1	-7,4	-4,2	-3,9
Белоруссия	сельская местность	-18	-23,7	-22,8	-16,7	-26,3	-14,8
	малые города	1,2	1,0	-5,5	-5,2	-5,0	11,7
Россия	сельская местность	4,5	-6,4	-9,2	-10,4	-11,1	-12,3
	малые города	8,8	-3,1	-5,8	-5,7	-8,4	-5,9

* к малым городам здесь относятся города с населением менее 20 тыс. жителей

В России в 2000-е годы города с населением от 20 до 50 тыс. стали терять население так же интенсивно, как и города меньшего размера (рис. 8).

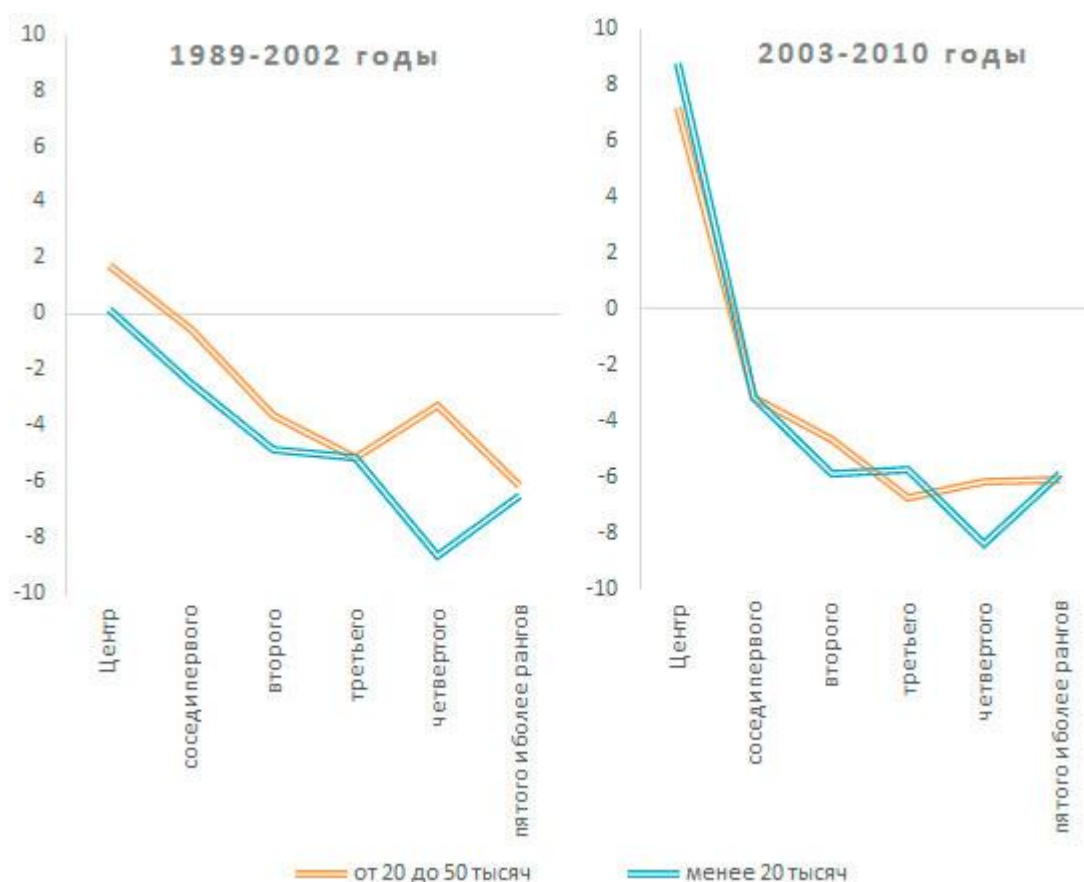

Рисунок 8. Изменение численности населения городов России с населением менее 20 и 20-50 тысяч жителей в зависимости от рангового порядка удаленности от регионального центра, %

В целом сокращение населения городов удаленной от региональных центров периферии в 2000-е годы в сравнении с 1990-ми усилилось, особенно значимо - в Белоруссии. И все же, чем крупнее город, тем больше у него возможностей в условиях депопуляции сохранить или увеличить численность населения, вне зависимости от положения его в центре или на периферии региона.

Сельское население сокращается повсеместно

Сельское население почти повсеместно сокращалось во всех трех странах (табл. 7). Чтобы избежать возможных искажений, связанных с сильно различающимися размерами регионов и представленностью особо удаленной периферии (в России немало АТЕ, удаленных от региональных центров более чем на 200 км, соседей центров 5-го и более порядков), динамика численности сельского населения проанализирована в зависимости от удаленности от центров регионов, определяемой только по порядку соседства. Наиболее резкие отличия в динамике численности населения отмечаются почти сразу при движении от центров - уже в районах - непосредственных соседах с ним (соседи 1-го порядка). На Украине и в Белоруссии убыль населения сельских поселений, расположенных в следующих по удаленности зонах, практически

перестает нарастать, в России растет убыль населения и у соседей 2-го порядка. А вот на удаленности 3-го и более порядков различия в расстояниях от регионального центра для сельской местности уже не значимы, она все равно является применительно к ним дальней периферией.

Таблица 7. Прирост/убыль сельского населения в зависимости от рангового порядка удаленности от регионального центра, в %

	Центр	Удаленность от центра				
		1-го порядка	2-го порядка	3-го порядка	4-го порядка	5 и более порядков
1990-е годы						
Украина	-1,7	-7,6	-7,7	-9,4	-9,1	-7,8
Белоруссия	-7,8	-9,2	-15,4	-10,3	-17,1	-17,6
Россия	2,7	-4,9	-7,3	-7,4	-7,2	-7,4
В т.ч. федеральные округа						
Центральный	-3,7	-7,3	-10,8	-13,1	-13,2	-9,8
Северо-Западный	-2,3	-9,0	-13,1	-14,8	-15,0	-15,4
Южный	14,2	8,2	7,4	10,1	7,3	-1,9
Приволжский	0,4	-3,8	-6,9	-6,0	-5,1	-5,4
Уральский	1,7	-2,0	-8,1	-13,0	-13,6	-6,7
Сибирский	8,5	-6,3	-8,8	-11,6	-10,1	-8,0
Дальневосточный	-2,9	-23,7	-23,7	-25,9	-24,2	-30,1
2000-е годы						
Украина	-1,4	-10,1	-11,0	-12,4	-11,0	-10,8
Белоруссия	-18,0	-23,7	-22,8	-16,7	-26,3	-14,8
Россия	4,5	-6,4	-9,2	-10,4	-11,1	-12,3
В т.ч. федеральные округа						
Центральный	0,9	-5,2	-9,0	-12,0	-12,6	-13,1
Северо-Западный	4,4	-11,7	-18,6	-19,3	-20,1	-23,9
Южный	6,4	-2,3	-2,1	-0,4	-4,6	-7,3
Приволжский	5,8	-7,7	-8,9	-11,7	-10,8	-11,7
Уральский	0,7	-6,9	-12,4	-14,4	-17,2	-12,1
Сибирский	13,2	-7,0	-12,1	-14,5	-12,5	-14,5
Дальневосточный	-0,7	-8,1	-13,6	-13,7	-14,4	-13,8

При сравнении трех стран (табл. 7, рис. 4) обращает на себя внимание сильная убыль сельского населения Белоруссии. Хотя в исследованиях по Белоруссии говорится о сравнительно благоприятной динамике сельского населения в пригородной зоне^[39], наши расчеты показывают, что сельское население сильно убывало и здесь. Однако, если сравнивать Белоруссию не с Россией в целом, а с отдельными ее округами, видно, что в 1990-е годы схожая по масштабам убыль имела место на периферийных сельских территориях Центрального и Северо-Западного округов. Например, в Псковской, Новгородской, Тверской, Смоленской областях России убыль была такая

же, как в Витебской, Гродненской и Могилевской областях Белоруссии, и даже еще большая по масштабам – на российском Дальнем Востоке. В 2000-е годы убыль сельского населения Белоруссии усилилась, но она по-прежнему была на уровне российского Северо-Западного округа. Более позитивную динамику сельского населения периферии России обеспечивали Южный и Приволжский округа в 1990-е годы, и Южный – в 2000-е. Здесь сельская местность, в отличие от других частей страны, не так пострадала от депопуляции, кроме того, она притягивала немало мигрантов из других регионов страны и из-за ее пределов. На Украине, пожалуй, единственным регионом, похожим по динамике сельского населения на области российского Юга (прежде всего, на Краснодарский край), была республика Крым – в этом проявляется сходство курортных районов двух стран.

Что действительно отличает сельскую местность Белоруссии (и в меньшей мере Украины) от России – это отсутствие роста населения сельской местности, прилегающей к региональным центрам. Видимо, в России, в отличие от Украины и Белоруссии, субурбанизационные процессы получили уже более реальное развитие. Однако этот тезис, плохо просматривающийся на постсоветском пространстве, нуждается в специальном изучении. Так, в Эстонии потенциал субурбанизации существует, но он пока не реализован в силу экономических причин[40].

Закключение

Анализ динамики численности и расселения населения малых территорий трех стран – России, Украины и Белоруссии – за последние два десятилетия выявил как общие черты, так и различия. В условиях суженного воспроизводства населения во всех трех странах, различия в динамике населения во многом детерминированы миграционным балансом стран и отдельных территорий, перераспределительной ролью внутренней миграции.

При всех различиях в динамике численности населения малых территорий России, Украины и Белоруссии, **ключевой их вектор лежит в центрo-периферийной плоскости**. Центры регионов, которыми являются крупные города, в условиях депопуляции демонстрировали возможность увеличивать численность своего населения или же сохранять ее без существенных изменений. Несмотря на сильнейший трансформационный кризис во всех трех странах первой половине 1990-х годов, который вызвал кратковременный перелом устойчивого в течение предыдущих десятилетий урбанизационного тренда, внутрирегиональная периферия, представленная сельской местностью, малыми и средними городами, продолжала терять население. И эти потери населения периферии были схожими во всех трех странах. В России в отдельных частях страны сокращению населения периферии противодействовал приток населения из постсоветских стран, прежде всего из Центральной Азии и Закавказья.

Происходит **концентрация населения в региональных центрах и их ближайших пригородах**. В соответствии с заложенными еще в советское время основами административно-территориального деления центры регионов – это почти всегда их самые крупные и мощные города. Причем, если они не были таковыми в тот момент, когда назначались столицами, то затем в ходе централизации в них власти и административного ресурса, они таковыми становились. В постсоветское время к властному ресурсу добавилась концентрация денег. Динамика численности населения региональных центров в постсоветское время показывает, что эти тенденции к концентрации ресурсов и населения устояли[41] и, возможно, даже упрочились. Налицо концентрация населения в региональных столицах во всех трех странах, одновременно мы наблюдаем процесс концентрации населения в зонах, непосредственно примыкающих к региональным центрам. Течение урбанизационных процессов в развитых странах показывало, что стадии концентрации в центрах и концентрации в ближайших пригородах не были параллельны друг другу. Наоборот, выезд населения из центров происходил, в первую очередь, в ближнюю к ним периферию и приводил к усилению в ней темпов роста и концентрации, а всю расселенческую сеть – к деконцентрации. В России, на Украине и в Белоруссии эти тенденции также имели место, но ответа на вопрос о том, как происходит перераспределение населения в пределах городских

агломераций, городов и их ближайших пригородов, мы в данном исследовании не искали. Для этого требуется более точный инструментарий, иная статистическая и социологическая информация. Общие тренды таковы, что преимущества – в первую очередь, социально-экономические – проживания в региональных центрах или в непосредственной близости к ним оказываются велики и служат стимулом для миграции. Стягивание населения в пригородные зоны происходит не только в силу субурбанизационных процессов, но и в результате миграции из дальней периферии «своих» регионов и финансовых ограничений приобретения жилья в региональных центрах.

За весь рассматриваемый период времени **сельское население было способно не сокращаться только вблизи региональных центров**. Возможно, это – первые «ростки» субурбанизации, которые видны в большей мере в России, в меньшей – на Украине, и пока не проявляются в Белоруссии. Но даже в России и на Украине зона этого роста очень невелика, она не выходит за пределы АТЕ, непосредственно граничащих с городами - региональными центрами (пригородные районы), и скорее характеризует расползание городов «вширь», чем стремление жителей жить в пригороде с малоэтажной застройкой и более благоприятной экологической средой. Такой процесс можно было бы назвать «экстенсивной субурбанизацией», но этот вопрос требует более серьезного изучения.

Как показал анализ, российская **внутрирегиональная периферия более неоднородна в плане динамики численности населения, чем периферия украинская и белорусская**. В России потери населения на периферии нарастают по мере удаления от региональных центров, в соседних странах этого не происходит. Возможно, в России жители ближайшей к центрам периферии (пригородов) активнее используют возможности ежедневных поездок на работу в региональные центры, что сдерживает их от смены места постоянного жительства, а на Украине и в Белоруссии чаще пользуются стратегией переселения в центры или выезда на работу за границу (в Россию или страны ЕС).

Убыль населения внутрирегиональной периферии является следствием **неразвитости центров притяжения населения второго порядка**. Несмотря на то, что в рассмотренных странах регионы велики и многие из них по размеру и численности населения могут соперничать с целыми европейскими государствами, пространство сильно централизовано, и городов, способных соперничать с центрами регионов по экономической мощи, развитости рынка труда и, соответственно, по притягательности для мигрантов, очень мало. Во время устойчивого роста населения и экстенсивной стадии урбанизации города увеличивали свое население повсеместно, прежде всего за счет окружающей их сельской периферии. В условиях депопуляции и вследствие длительного миграционного оттока населения периферия не имеет ресурсов обеспечивать приток мигрантов во многие центры, их хватает только для региональных центров. Немногочисленные примеры формирования центров притяжения второго порядка показывают, что их формирование возможно 1) на большом удалении от регионального центра, где его влияние не так велико 2) при наличии людских ресурсов окружающих их сельских территорий, прежде всего – молодежи.

Центро-периферийные градиенты в Белоруссии, России и на Украине показывают высокую устойчивость: они проявлялись и раньше, когда депопуляции в явном виде не было, заметны они и сейчас. Никакие другие факторы – например, близость к государственному границам, курортный потенциал территорий или какая-то другая уникальная особенность не способны соперничать с мощным действием центрально-периферийного взаимодействия. При этом центры во всех трех странах – в большей или меньшей степени - способны привлекать и удерживать население, региональная периферия более дифференцирована: в России она находится в определенной зависимости от расстояний до центра регионов, в Белоруссии и на Украине она «проваливается» сразу т.е. убыль населения равномерно велика при движении от регионального центра к его границам. Территория России тем самым становится более мозаичной, чем Белоруссии и Украины.

* - Авторы выражают признательность С.Г. Сафронову (географический факультет МГУ имени М.В.Ломоносова) за идеи и рекомендации, высказанные при работе над исследованием.

[1] Текст подготовлен на основе статьи: Karachurina, L. and Mkrtchyan, N., 2015: Population change in the regional centres and internal periphery of the regions in Russia, Ukraine and Belarus over the period of 1990-2000s. In: Szymanska, D. and Chodkowska-Miszczuk, J. editors, Bulletin of Geography. Socio-economic Series, No. 28, Torun: Nicolaus Copernicus University, pp. 91–111. DOI:

<http://dx.doi.org/10.1515/bog-2015-0018>

[2] Карачурина Лилия Борисовна – доцент кафедры Демографии НИУ ВШЭ.

[3] Мкртчян Никита Владимирович – в.н.с. Института демографии НИУ ВШЭ.

[4] Демографическая модернизация России, 1900-2000. Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006. с.491-497.

[5] Моисеенко В.М. Внутренняя миграция населения. М.: ТЕИС 2004, с. 238.

[6] Население СССР за 70 лет /Отв. ред. Л.Л. Рыбаковский. М.: Наука, 1988 с. 48.

[7] Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение. М.: Наука, 1991. С.67.

[8] Swiaczny, F., Graze, Ph., Schlomer, C., 2008. Spatial Impacts of Demographic Change in Germany — Urban Population Processes Reconsidered //Zeitschrift fur Bevolkungswissenschaft. 33 (2):181-206.

DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s12523-009-0010-9>

[9] Vobecka, J., 2010. Spatial dynamics of the population in the Czech Republic, 1989-2007. Ph.D. Thesis. Charles University in Prague: Faculty of Science: Department of Demography and Geodemography; Universite de Bourgogne in Dijon: UMR INRA – AgroSup Dijon. P.21

[10] Amcoff, J. and Westholm, E., 2007. Understanding rural change: Demography as a key to the future //Futures, 39 (4), pp. 363–379. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.futures.2006.08.009>

[11] Vining, D. and Pallone, R., 1982. Migration between Core and Peripheral Regions: a Description and Tentative Explanation of the Patterns in 22 countries //Geoforum. 13 (4): 339-410. DOI:

[http://dx.doi.org/10.1016/0016-7185\(82\)90031-8](http://dx.doi.org/10.1016/0016-7185(82)90031-8); Champion, A.G. (ed.), 1989. Counterurbanization: the changing face and nature of population deconcentration. London. p.233

[12] Szymanska, D., Grzelak-Kostulska, El., Holowiecka, B., 2009. Polish towns and the changes in their areas and population densities //Szymanska, D. and Grzelak-Kostulska, E. editors, Bulletin of Geography. Socio-economic Series, No. 11, Torun: Nicolaus Copernicus University, pp. 15-29. DOI: <http://dx.doi.org/10.2478/v10089-008-0018-2>;

Illner, M., Alois, A., 1994. The regional Aspect of Post-Communist Transformation in the Czech Republic //Sociologicky casopis/Czech Sociological Review 2(1): 107-127;

Kupiszewski, M., Durham, H., Philip, R., 1998. Internal migration and urban change in Poland //European Journal of Population 14: 265-290. DOI: <http://dx.doi.org/10.1023/A:1006058712865>;

Andrusz, G., Harloe, M., Szelenyi, I. (eds.), 1996. Cities after socialism: Urban and regional change and conflict in post-socialist societies. Oxford: Blackwell.

[13] Махрова А., Нефедова Т., Трейвиш А. Московская область сегодня и завтра: тенденции и перспективы пространственного развития М.: Новый хронограф, 2008. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Теория «дифференциальной урбанизации» и иерархия городов в России на рубеже XXI века //Проблемы урбанизации на рубеже веков /Отв. ред. А.Г. Махрова. - Смоленск: Ойкумена, 2002. с. 71-86.

- [14] Нефедова Т., Трейвиш А. Российские городские системы в зеркале эволюционных теорий урбанизации //Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: Монографический сборник. - М.: ОГИ, 2001. С.171-196; Прибыткова И.М. Урбанизация в Украине на пороге XXI века //Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 1990-е годы /Под ред. Ж.А. Зайончковской. М.: АдамантЪ, 1999. с. 143-158; Петракова Ю.Н. Миграция в Беларуси //Основные вызовы демографической безопасности: сходства и различия в Молдове и Беларуси /Отв. редакторы: Палади Г.А., Шахотько Л.П., Гагауз О.Е. - Кишинев: Штиинца, 2010. с. 246-270
- [15] Шахотько Л.П. Урбанизация в республике Беларусь //Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 1990-е годы /Под ред. Ж.А. Зайончковской. М.: АдамантЪ, 1999. С. 101-112
- [16] Kupiszewski, M., Durham, H., Rees, P., 1998. Internal Migration and Urban Change in Poland //European Journal of Population 14: 265-290. DOI: <http://dx.doi.org/10.1023/A:1006058712865>
- [17] Brown, D. and Schafft, K., 2002. Population deconcentration in Hungary during the post-socialist transformation //Journal of Rural Studies. 18(3): 233-244. DOI: [http://dx.doi.org/10.1016/S0743-0167\(01\)00046-8](http://dx.doi.org/10.1016/S0743-0167(01)00046-8)
- [18] Нефедова Т.Г. Российские дачи как социальный феномен //SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры, № 15. Осень-зима 2011. С. 161-172.
- [19] Raagmaa, G., 2003. Centre-Periphery model explaining the regional development of the informational and transitional society /43rd Congress of the European regional science association (ERSA) Jyväskylä, Finland, August 27-30, 2003. URL: <https://www.jyu.fi/ersa2003/cdrom/papers/503.pdf>
- [20] Ioffe, G. and Zayonchkovskaya, Z., 2011. Spatial shifts in the population of Moscow Region //Eurasian Geography and Economics. 52 (4): 543-566. DOI: <http://dx.doi.org/10.2747/1539-7216.52.4.543>
- [21] Steinfuhrer, A., Bierzynski, A., GroBmann, K., Haase, A., Kabisch, S. and Klusacek, P., 2010. Population Decline in Polish and Czech Cities during Post-socialism? Looking Behind the Official Statistics //Urban Studies. 47 (11): 2325-2346. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0042098009360224>
- [22] Friedmann, J., 1972. A general theory of polarized development //Growth centers in regional economic development, ed. N. M. Hansen. New York: The Free Press.
- [23] Richardson, H., 1973. Regional growth theory. New York: John Wiley; Todd, D., 1974. An appraisal of the development pole concept in regional analysis //Environment and Planning. A 6: 291-306 и другие работы.
- [24] Vinuela, A., Vazquez Fernandez, E., 2012. From the periphery to the core: direct and indirect effects of the migration of labour //Review of Regional Research: Jahrbuch fur Regionalwissenschaft, Vol. 32, Issue 1: pp 1-18. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10037-011-0059-5>.
- [25] Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Изменение численности населения административных районов и городов России (1989–2010): центрo-пeрифeрийные соотношения //Вопросы географии /Московский филиал ГО СССР /Русс. геогр. об-во. Сб. 135: География населения и социальная география /Отв. ред. А.И. Алексеев, А.А. Ткаченко. М.: ИД «Кодекс», 2013. С. 82-107.
- [26] Partridge, M., Rickman, D., Ali, K. and Olfert, M., 2006: Does the New Economic Geography Explain U.S. Core-Periphery Population Dynamics? Canada Rural Economy Research Lab Working Paper, available at: http://www.crerl.usask.ca/research/New_Economic_Geography.pdf
- [27] Degorski, M., 2006. Editorial spatial structure – some problems of the Core and Peripheral regions in

Central and Eastern Europe. In Europa XXI. 15. Regional periphery in Central and Eastern Europe. Ed. Komornicki, T. and Czapiewski, K. Warszawa: Stanislaw Leszczycki Institute of Geography and Spatial Organization, PAS, pp.5-7

[28] Новый взгляд на экономическую географию. Доклад о мировом развитии – 2009. М.: "Весь мир", 2009.

[29] Tolts, M., 2008. Population Trends in the Russian Federation: Reflections on the Legacy of Soviet Censorship and Distortions of Demographic Statistics //Eurasian Geography and Economics. 49 (1): 87–98. DOI: <http://dx.doi.org/10.2747/1539-7216.49.87>

[30] Мкртчян Н. Перепись населения на юге России: откуда взялся лишний миллион населения? //Демоскоп Weekly. 2004. № 155-156. <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0155/analit04.php>;
Богоявленский Д. Все ли российские народы верно посчитали? //Демоскоп Weekly. 2008. № 319-320. <http://demoscope.ru/weekly/2008/0319/tema01.php>

[31] Рассчитывалось по: Административно-территориальное деление союзных республик СССР на 1 января 1987 года. В необходимых случаях использовались данные открытых источников в Интернете.

[32] Пирожков С., Сафарова Г. Украина и Россия в демографическом измерении //Демоскоп Weekly. 2010. № 405-406. <http://demoscope.ru/weekly/2010/0405/tema02.php>

[33] Палий Е. Население Украины //Демоскоп Weekly. 2009. № 403-405.
<http://demoscope.ru/weekly/2009/0403/tema01.php>

[34] Пирожник И.И., Антипова Е.А. Пространственная структура городского расселения и характер урбанизации Беларуси в условиях глобализации //Региональные исследования. 2013. № 2. с. 82-93.

[35] Мкртчян Н.В. Миграция молодежи в региональные центры России в конце XX – начале XXI века //Известия РАН. Серия географическая. 2013. № 6. С. 19-32

[36] Brown, D., Schafft, K., 2002. Population deconcentration in Hungary during the post-socialist transformation //Journal of Rural Studies. 18 (3): 233-244. DOI: [http://dx.doi.org/10.1016/S0743-0167\(01\)00046-8](http://dx.doi.org/10.1016/S0743-0167(01)00046-8)

[37] Мкртчян Н.В. **Миграция молодежи в региональные центры России в конце XX - начале XXI веков** //Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2013. № 6. С. 17-30.

[38] Пирожник И.И., Антипова Е.А. Пространственная структура городского расселения и характер урбанизации Беларуси в условиях глобализации //Региональные исследования. 2013. № 2. с. 82-93.

[39] Antipova, E., Fakeyeva, L., 2012. Demographic processes in rural areas of Belarus: geographical structure and spatial dynamics //Szymanska, D. and Bieganska, J. editors, Bulletin of Geography. Socio-economic Series, No. 17. Torun: Nicolaus Copernicus University, pp. 5-12. DOI: <http://dx.doi.org/10.2478/v10089-012-0001-9>

[40] Raagmaa, G., 2003. Centre-Periphery model explaining the regional development of the informational and transitional society /43rd Congress of the European regional science association (ERSA) Jyväskylä, Finland, August 27-30. URL: <https://www.jyu.fi/ersa2003/cdrom/papers/503.pdf>

[41]Лексин В.Н. Города власти: административные центры России //Мир России. 2009. № 1. с. 3-33